

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

DOI 10.26163/GIEF.2020.17.68.001
УДК 343.9.01:343.211.2

S.U. Dikaev, M.S. Dikaeva

FROM PLURALITY OF CRIMINOLOGICAL THEORIES TO REAL PRACTICES OF COMBATING CRIME

Salman Dikaev – Head of Criminal Law Department, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Law, Professor, St. Petersburg; **e-mail: dikaev@mail.ru.**

Milana Dikaeva – Senior Lecturer, Criminal Law Department, the Herzen State Pedagogical University of Russia, PhD in Law, St. Petersburg; **e-mail: dikaev@mail.ru.**

The article deals with justification of the idea that it is necessary to move from the concept of «evil» to the concept of «deficit» in the philosophy of combating crime. This will enable more effective detection of the causes giving rise to crime and provide targeted effect on them. The authors conclude that revenues flowing to the state budget in the form of crime-related fines and confiscations, should be used to compensate victims for the harm caused by the crime.

Keywords: crime; doctrine; criminology; counteraction; causes; deficit; budget; income; personality.

С.У. Дикаев, М.С. Дикаева

ОТ МНОЖЕСТВЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ – К РЕАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Салман Умарович Дикаев – зав. кафедрой уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dikaev@mail.ru.**

Милана Салмановна Дикаева – старший преподаватель кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dikaev@mail.ru.**

В статье обосновывается идея о том, что в философии противодействия преступности необходимо перейти от концепции зла к концепции дефицита, что позволит эффективнее обнаруживать причины, порождающие преступность, и оказывать адресное воздействие на них. Авторы считают, что доходы, идущие в бюджет государства от преступности в виде штрафов и конфискации, следует направить на компенсацию причиненного преступлением вреда потерпевшим.

Ключевые слова: преступность; учения; криминология; противодействие; причины; дефицит; бюджет; доходы; личность.

Преступность как социальное явление, испокон веков вызывавшее живой интерес мыслителей, породила множество теорий о ее причинах и мерах противодействия. Большинство существующих криминологических теорий рассматривают преступность как исключительно опасное (негативное, вредное) социальное явление, препятствующее развитию общества. В своей совокупности эти теории представляют собой относительно стройное учение о преступности, которое обладает внутренней логикой, а существующие между ними противоречия вызывают к жизни новые теории,

которые тоже оказываются пригодными для объяснения конкретного противоправного поведенческого акта, но не явления в целом. Это отчасти предопределяет то, что преступность не перестает быть предметом философско-правовых размышлений и в современный период, когда исследователи по-новому оценивают давно устоявшиеся и проверенные временем теории, учитывая изменения, произошедшие в обществе. Идея французского основателя социологической школы Э.Дюркгейма об общественной полезности преступности [4], признаваемая и развиваемая представителями социологического направления криминологии и плохо воспринимаемая криминологами от юриспруденции, постепенно пробивает себе дорогу. Рассуждения о преступности с позиции ее исключительной вредности или с позиции «только зла» не позволяют криминологам-юристам увидеть сущность этих позитивных свойств и, самое важное, определить потенциал полезности преступности, а также кто и как использует эти полезные для общественного дела свойства. Позволят ли решить эти проблемы замена концепции «зла» на концепцию «дефицита», как предлагает швейцарский криминолог К.Г. Кунц [5]? Представляется, что это не изменяет природу явления, но несколько смягчает негативный оттенок в объяснении преступности, поскольку на само общество возлагается часть ответственности за воспроизводимые ею причины этого явления, что само по себе разумно. Тогда оказывается уместной замена доминирующей парадигмы объяснения преступности как неперемennого зла на более нейтральную, способную сгладить ярко выраженный негативный оттенок концепции «зла». Возможно, парадигма «дефицита» способна решить эту проблему, однако она может оказаться слишком «социологической» или «экономической», усложняющей объяснение преступности с позиции права. Для того чтобы сделать термин «дефицит» пригодным для использования в целях объяснения преступности, необходимо наполнить его соответствующим содержанием, обосновать и выделить признаки. Парадигма «дефицита» должна отражать или вбирать в себя и парадигму «зла», так как вред от преступности нельзя отрицать, во всяком случае, для потерпевших от преступлений он очевиден. Экономико-правовой термин «дефицит», означающий «недостаточность чего-либо», несколько затушевывает негативные свойства преступности, указывает не только на проблемы виновного лица, но и на проблемы всего общества, на недостатки в его социальной, политической, экономической, идеологической, экологической организации. Ведь причиной преступности в целом и конкретных преступных актов чаще всего действительно является именно недостаточность чего-либо: внимания, веры, денег, отдыха, культуры, товаров, работы, сна, здоровья, личного пространства, защиты, безопасности и др. Такие дефициты выявляемы, могут быть эмпирически подтверждены и, соответственно, использованы при формировании уголовной политики по воздействию на них.

Наглядным примером дефицита средств к существованию является статистически подтвержденная зависимость показателей корыстных преступлений (каковых в структуре преступности более 50%) [6] и удельного веса лиц, совершивших преступления и не имеющих постоянного источника дохода (64,0%) [7]. Приведенные цифры показывают, что более половины совершаемых в России преступлений совершаются от безысходности, от невозможности удовлетворить повседневные потребности ввиду дефицита финансовых средств [2]. Это же подтверждают и приведенные ниже цифры принудительного взыскания назначенных судом штрафов. Они настолько явно указывают на причину большинства корыстных преступлений, что очевидна необходимость корректировки социальной политики в государстве, повышения уровня жизни населения.

Преступность, в любом ее проявлении, приводит к определенным негативным или позитивным в обществе изменениям (вернее, к позитивным через негативные). Без преступности общество развиваться не может. Если бы существовало общество без преступности, то это было бы общество, временно находящееся в состоянии стагнации,

за которой обязательно бы последовало состояние аномии со всеми вытекающими от бесправия и беззакония последствиями. Но состояние аномии и неконтролируемый рост преступности не были бы критичными для общества, они не привели бы к состоянию войны всех против всех (если это не революция, конечно). Совершено было бы то количество преступлений, которое компенсирует не воспроизведенное в период стагнации (например, из-за тоталитарного правления) число преступлений. Тоталитарные политические режимы способны сдерживать преступность путем репрессий и других незаконных действий при сохранении в обществе причин, ее воспроизводящих. В таких случаях происходит перераспределение в системе преступности, когда преступный политический режим становится единым субъектом большинства преступлений, которые должны были совершить граждане этого государства. Но в целом они (преступность власти в отношении народа и «обычная» преступность) образуют ту массу преступности, которая соответствует состоянию общества.

Так, в период правления Сталина преступность в СССР была ничтожно мала. В 1937 г., например, она составляла 529 преступлений на 100 тыс. населения, тогда как состояние общества было таково, что реально эти цифры должны были быть в несколько раз выше (массовый голод 1932–1933 гг., погубивший десятки миллионов людей, приведший к каннибализму, нравственному падению и другим тяжким последствиям) [3]. Аналогичная ситуация наблюдается и в других государствах, где долгое время существовали жесткие формы правления. Ближайший по времени пример – это Ирак, где после падения тоталитарного режима С. Хусейна преступность выросла в десятки раз [8].

Такие режимы держатся на устрашении населения. Преступные действия носителей власти многократно усиливают страх населения перед законом, что в своей совокупности (страх перед властью и страх перед законом) дает ожидаемый профилактический эффект. Причем страх перед носителями власти оказывается сильнее страха наказания за нарушение закона. Преодоление страха перед властью неизбежно приводит к снижению порога страха нарушить закон, к дестабилизации и росту преступности.

Подобные процессы могут быть объяснены с позиции конфликтологии или политической криминологии. Однако логика жизни любого человеческого общества такова, что постоянно идущие (осознанные, неосознанные, управляемые, стихийные) процессы оптимизации и настройки различных формальных и неформальных социальных систем и институтов, малых и больших групп, искусственных и естественных масс сопровождаются множеством противоречий, обуславливающих столкновение интересов. Противоречия эти объективны, они не статичны и развиваются не линейно. Поэтому никакая криминологическая теория предупреждения преступности, какой бы совершенной она ни была, не способна их обнаружить, исследовать и предложить такие меры предупреждения, которые были бы способны обнулить все причины, ее порождающие. Представляется очевидным то, что любое здоровое общество заинтересовано в том, чтобы уменьшить, сгладить эти противоречия путем целенаправленного воздействия на них. Для этого интересы государственного управления требуют наличия надежной системы выявления и управления такими рисками. В настоящее время любое государство ежегодно планирует в своем бюджете и тратит колоссальные ресурсы на противодействие преступности при отсутствии какого-либо криминологического исследования и обоснования как самих расходов, выделяемых сумм, так и ожидаемых результатов их освоения.

Так, в федеральном бюджете России на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. содержится более 100 позиций, касающихся предупреждения преступлений [1]. Самой часто повторяющейся является позиция «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», на которую выделены такие суммы, что даже их

подсчет оказывается непростой задачей. Кроме того, предусмотрены расходы еще на более чем 20 различных программ и подпрограмм «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», и это не считая расходов на содержание самих органов правопорядка.

Например, на реализацию программы «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» для фельдъегерской (!?) службы – выделено более 37 млрд руб., и еще столько же по строке «Другие вопросы в области национальной безопасности и правоохранительной деятельности». Для Минэкономразвития – более 393 млн руб., и еще столько же на пожарную безопасность. Для Войск национальной гвардии по строке «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» выделено 220 млрд, и почти столько же на содержание самого ведомства (219,6 млрд); МВД России на эту программу выделено более 635 млрд руб., и еще на Госпрограмму «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» более 622,7 млрд, на Подпрограмму «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» – более 77,5 млрд и многое другое.

Возникает естественный вопрос об эффективности таких трат, если они не направлены на устранение дефицитов (причин преступности). Есть, конечно, и мероприятия, имеющие профилактическое значение. Например, на программу «Обеспечение постпенитенциарной адаптации осужденных, предотвращение рецидива преступлений» выделено 46,16 млрд руб. Обеспечение соблюдения международных стандартов обращения с осужденными в местах лишения свободы и лицами, содержащимися под стражей, 47,2 млрд. «Проведение социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными» – 246,7 млрд рублей. Подпрограмма «Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» – 40,2 млрд руб. и др.

Однако выделяемые средства на программы, содержащие предупредительный потенциал, в десятки и сотни раз меньше, чем на содержание самих служб, призванных их реализовывать. В бюджете вообще не предусмотрены средства на возмещение вреда потерпевшим от преступлений. О потерпевших от преступлений говорится в бюджете два раза. Первый раз – в контексте реализации госпрограммы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» с бюджетом около 3,5 млрд руб., реализуемой почему-то Федеральной службой по труду и занятости; 3 млрд руб. – Федеральной таможенной службой; более 3,6 млрд руб. – Минобороны; 129,6 млрд руб. – МВД и 12,4 млрд руб. – ФСИН. И второй раз – это выделение денежных средств на проведение единовременных денежных компенсаций реабилитированным по уголовным делам лицам (2,79 млрд руб.).

Ни о каком криминологическом обосновании заложенных в бюджет страны трат говорить не приходится, что вызывает другой вопрос: «Кто определяет риски (дефициты) и требуемые на их устранение суммы?» Вероятнее всего, сами ведомства дают заявку на включение в бюджет тех или иных мероприятий и лоббируют выделение финансовых средств. Думаем, что эта практика должна быть изменена. Каждая строка бюджета должна быть предельно ясно расписана, а требуемые суммы – обоснованы. Это, во-первых, позволит исключить ежегодную повторяемость одних и тех же профилактических мероприятий, во-вторых, заставит заинтересованные ведомства эмпирическими исследованиями обосновывать имеющиеся риски (дефициты), порождающие причины преступности, и, в-третьих, обяжет их отчитываться не только об освоении бюджетных средств, но и о полученных результатах. Отчеты о реализации программ и об их результатах должны быть предметом пристального анализа, исключающего мошенничество.

Противодействие преступности в России, как и во всех других странах, поставлено

на коммерческую основу. Доходы в виде штрафов, конфискации и иных выплат, получаемых от лиц, признанных виновными в совершении преступлений и правонарушений, планируются и учитываются при формировании федерального бюджета. Эти доходы зачисляются в федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, а также бюджеты, главными администраторами которых являются Пенсионный Фонд, Фонд социального страхования и Фонд обязательного медицинского страхования.

Весьма приблизительный анализ структуры доходов и подсчет сумм показывает следующее.

Штрафы, назначенные в качестве основного вида наказания, включая назначенные по совокупности преступлений, составили в 2018 г. 8,21 млрд руб., из них взыскано принудительно – 7,44 млрд руб. Штрафы, назначенные в качестве дополнительного вида наказания, составили 3,31 млрд руб. (взыскано принудительно – 2,84 млрд руб.); судебный штраф как мера уголовно-правового характера (ст. 104.4 УК РФ) по прекращенному уголовному делу – 520,2 млн руб., взыскано принудительно – 128,1 млн руб.; сумма назначенного судом судебного штрафа по прекращенным уголовным делам (ст. 76.2, 104.4 УК РФ, 25.1 УПК РФ) – 529,9 млн руб.; штрафы как вид наказания по делам об административных правонарушениях – более 72 млрд руб., из которых взыскано принудительно – 3,65 млрд руб.

Общая сумма штрафов и иных денежных взысканий, обращенных в доход государства, наложенных судом общей юрисдикции (мировым судьей) за 2018 г., составила около 93,3 млрд руб. [9]. В эту сумму не входят суммы, полученные в результате применения конфискации, т.к. в статистике суда они не нашли отражение, хотя указано, что это мера применялась в отношении 2755 осужденных. Кроме того, в доходной части бюджета на 2019 г. учтены еще и ожидаемые доходы от привлечения осужденных к оплачиваемому труду. Но доходы от преступности направляются не на устранение причин преступности и не на компенсацию жертвам преступлений, а в бюджеты фондов, эффективность деятельности которых давно стала притчей во языцех. Эти суммы можно было бы использовать более эффективно, если бы они направлялись хотя бы на частичное возмещение вреда, причиненного преступлением.

Например, сумма ущерба, определенного судом (мировым судьей) по приговорам (решениям) в 2018 г. за все виды хищений, составила чуть более 32 млрд руб., из которых около 31,8 млрд рублей – это за деяния, предусмотренные ст.ст. 158-162 УК РФ. Это больше, чем за все преступления экономической направленности (21,57 млрд руб.).

Доходов от преступности хватило бы на то, чтобы возместить вред потерпевшим от краж, грабежей и разбоев, а также на лечение лиц, потерявших здоровье от преступлений. Потерпевшие платят налоги на содержание органов правопорядка, которые, допустив преступление, не выполнили свои функции защиты, и страховые выплаты в вышеназванные фонды, куда перечисляются и доходы от преступности. Потерпевшие же вынуждены платить еще и за преступность, а также терпеть неудобства, выступая в качестве участника уголовного процесса, что несправедливо.

Предлагаемая парадигма «дефицита» должна включать в себя и издержки, вызванные фактом преступления, особенно те из них, которые понес потерпевший от преступления. Новые криминологические теории должны обосновать то естественное и обязательное составляющее любого правосудия – восстановление справедливости по отношению к потерпевшему. Вся система правосудия должна быть «заточена» на решение в первую очередь этой задачи, что будет способствовать восстановлению доверия к суду и всей системе правоохраны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ (ред. от 18.07.2019 г.) «О

федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

2. *Дикаев С.У.* Об основах учения о противодействии преступности или о востребованности нелинейных суждений о преступности в криминологии // Криминология: Вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (53). С. 41–50.

3. *Дикаев С.У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование): монография. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006. С. 136.

4. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 6.

5. *Кунц К.Л.* Введение в криминологическое мышление / пер. с нем. к.ю.н. А. Козловой. СПб.: Алеф-Пресс, 2019. С. 232.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 01.11.2019).

7. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ за 12 месяцев 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 01.11.2019).

8. Уровень преступности в мире // VisaSam.ru: [сайт]. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/prestupnost-v-mire.html> (дата обращения: 01.11.2019).

9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 25.10.2019).